

❧ *Любовь, интрига, тайна* ❧

Читайте романы Ирины Мельниковой – прекрасные истории о вере, надежде и любви:

Любовно-исторические:

Антик с гвоздикой

Грех во спасение

Александра – наказание Господне

Невеста по наследству

Фамильный оберег. Закат цвета фламинго

Фамильный оберег. Отражение звезды

Фамильный оберег. Камень любви

Любовно-криминальные:

Дрянь такая!

Ржавый Рыцарь и Пистолетов

Дикая Лиза

Нянька для олигарха

Мой ласковый и нежный мент

Колечко с бирюзой

Неоконченный романс

Роман с Джульеттой

Горячий ключ

Формула одиночества

Стихийное бедствие

От ненависти до любви

Небо на двоих

В соавторстве с Георгием Ланским:

Ключи Пандоры

Лик Сатаны

Ярость валькирии

Сериал «Агент сыскной полиции»:

Агент сыскной полиции

Талисман Белой Волчицы

Финита ля комедия

Сибирская амазонка

Бесы Черного городища

Ирина Мельникова

ФАМИЛЬНЫЙ ОБЕРЕГ
ОТРАЖЕНИЕ
ЗВЕЗДЫ

Москва

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
М48

Редактор серии *А. Антонова*
Оформление серии *А. Зининой*

Мельникова, Ирина Александровна.

М48 **Фамильный оберег. Отражение звезды :**
[роман] / Ирина Мельникова. — Москва :
Эксмо, 2026. — 352 с.

ISBN 978-5-04-233070-4

Это казалось невероятным, но Татьяна очень точно указала археологам место на карте, где ее дальний предок, князь Мирон Бекешев, триста лет назад построил крепость. Она впервые прилетела в Сибирь, но все здесь было ей знакомо. Эти горы и долины, что она увидела то ли во сне, то ли наяву... Руководитель экспедиции Анатолий, бредивший раскопками, верил всем рассказам Татьяны. В ней текла древняя кровь гордой сибирской княжны Айдыны, девушки-воина, страстно и горячо полюбившей Мирона, который приехал покорять новые земли. Татьяна словно воочию видела, какие страсти разгорались здесь в былые времена. Ведь не зря она не снимая носила серьги и перстень, когда-то принадлежавшие княжне...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-233070-4

© Мельникова И., 2026
© Оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2026

Когда-то крепкие царства стояли в кыргызской степи. Тучные стада паслись у подножий горбатых сопок. Быстроногие табуны, сминая ковыль, пронеслись вихрем в облаках пыли, багровой в лучах заката. На мгlistом седом горизонте щетинились, словно копья несметного войска, острые пики гор. А над синей по окоему вечерней степью заунывно рыдал пастуший рог, глухо урчало эхо, дробясь в распадках, поросших редким лесом.

Над кошменными юртами вился дымок. Пах он пряными травами, что отгоняли нечистую силу. В юртах рождались и умирали, смеялись и плакали, варили жирную похлебку и сытную кашу. Ели сами, кормили детей, угощали гостей, потчевали злых и добрых духов. Поклонялись древним камням с суровыми ликами, приносили жертвы богам.

Кости стариков покоились в земле; объятия молодых были неистовыми, стоны — сладостными, а слезы — горячими. В исступлении извивались тела, страстные вопли будили зарю. Свет звезд отражался и пламенел в глазах влюбленных. А после рождались

дети. Столь же буйные и сильные, ловкие и яростные — как в битве, так и в любви.

Туманы кочевали в долинах; росы покрывали траву; после щедрых ливней разноцветные радуги повисали над степью.

Большая вода несла торговые парусники. Шли по горным тропам через перевалы конные и верблюжьи караваны купцов. Везли товары со всего света. Шумели богатые ярмарки: отбрасывала золотые блики посуда с далекого Инда, звонко ржали тонконогие арабские скакуны, били по рукам барышники-ногайцы, раскладывали шелка-бархаты бухарцы. Жажда наживы сводила к одному котлу прокаленного горячими ветрами араба, смуглого перса и узкоглазого сына Поднебесной.

А из глубин Азии, будто ветром сорное семя, поднимались несметные орды номадов и мчались по степи, неся смерть и разрушения. Лбами бревен, окovaných железом, разбивали городские стены, на развалинах строили свои крепости, заводили свою торговлю, на костях побежденных утверждали свое владычество.

Но следом накатывали новые завоеватели. Тьмы и тьмы необузданных полчищ с диким ревом и ржанием, лаем и топотом, взмахом клинков и заревом пожарищ втаптывали в землю вчерашних победителей и кровью смывали их веру, законы и саму память о них...

В тучах песка и сами несметные, как песок, они текли, гонимые властной рукою своих ханов, текли и завивались на бродах и кормных пастбищах, как песок завивается вокруг серых камней.

От топота коней, от скрипа и грохота арб дрожала и стонала земля.

Неслись по ветру сухие листья и шары перекаати-поля, и, следом, как солома, пролетала жизнь...

Несчетные орды надвигались на степь и таяли, превращаясь в затейливую дымку, исчезающую бесследно, когда приходил тому час. Оставалась о них лишь память людская — память недобрая, цепкая, страшная.

Но выносливый и упрямый народ — степняки! Подобно горькой полыни, они пышно и отважно прорастали вновь и вновь, сколько ни заливали их кровью, ни топтали копытами. Ведь и полынь не дает цвета годами, а потом вдруг, вопреки всему, поднимется, расцветет, а дух какой по степи пойдет... Запах этот, ни с чем не сравнимый, — запах бесконечности, вольного ветра, вечной жизни... И любви!

ГЛАВА 1

Лайнер заходил на посадку над бурыми сопками. Мелькнула гладь реки. Ключья облаков плыли над городом, который стремительно приближался. Еще пара мгновений, стук шасси о бетон... И понеслась навстречу взлетная полоса.

Самолет подрулил к зданию аэровокзала — столь же серому и печальному, как все вокруг. Стюардесса попросила оставаться на местах до полной остановки двигателей. Косые струи дождя ползли по иллюминатору, размывая картинку за стеклом: серая трава, серые кусты, серый металлический забор... Татьяна вздохнула. Лето в Хакасию не торопилось. Но тут она увидела Анатолия в мокрой куртке, с огромным букетом в руках. Служащий в форменном комбинезоне, преградив ему путь, показывал на здание аэропорта, видно, объяснял, что нельзя встречающим находиться на летном поле. Археолог в ответ оживленно жестикулировал, улыбался и кивал на самолет. Затем приложил телефон к уху. И тотчас в кармане Татьяны весело затренькало.

— Таня, ау! — радостно прозвучало в трубке. — Как долетела?

— Хорошо долетела! — засмеялась она в ответ. — Жива!

— Ты не спеши, я сейчас поднимусь в самолет, — сообщил Анатолий.

Она облегченно вздохнула.

Все опасения, уныние, страхи смыло бурным потоком его энергии, которая ощущалась даже на расстоянии. Казалось, и тучи расступились под этим мощным напором, пропустив лучи солнца. И сразу все преобразилось. Засверкало, засияло, заискрилось, заиграло многоцветьем красок и запахов. Да, именно запахов, потому что в это время открыли выходной люк, и пассажиры потянулись к нему. Татьяна взялась за костыли. Одна из бортпроводниц тотчас бросилась к ней.

— Вам помочь?

Татьяна не успела ответить. Держа букет над головой и лавируя между пассажирами, к ней протиснулся Анатолий.

— Танюша! Вот и я! — возвестил он на весь самолет.

Вручив ей мокрый букет, подхватил на руки и направился к выходу. Следом едва поспевала стюардесса с костылями в руках. Татьянина коляска уже дождалась хозяйку недалеко от трапа, а рядом с ней стояла краснощекая скуластая девушка в джинсовом комбинезоне и каучуковом плантаторском шлеме.

— Люся, подъезжай! — крикнул сверху Анатолий.

Через минуту Татьяна сидела в коляске. Краснощекая девушка улыбнулась ей.

— Люсей меня зовут. Я — ассистент Анатолия Георгиевича.

— А меня Таней, — кивнула Татьяна. И посмотрела на Анатолия. — Кажется, я плохо себе представляла, во что ввязалась.

— Что значит «ввязалась»? — удивился он. — Самое страшное позади! Ты в Хакасии, на родине предков! Радоваться надо, а ты, вон, нос повесила!

— Я буду тебе обузой! — Татьяна виновато улыбнулась. — Я на костылях едва передвигаюсь...

— Какие костыли? — Анатолий прищурился. — Мы тут живо заставим тебя бегать!

— Твой оптимизм меня пугает, — нахмурилась Татьяна. — Лучше уж горькая правда, чем сладкая ложь!

Анатолий смерил ее взглядом.

— А твой пессимизм настораживает. Слезами болезнь не победишь.

— С чего ты взял, что я плачу? Лучше настраиваться на худший вариант, а там посмотрим. По крайней мере, не обидно будет...

Отправив Людмилу получать Татьянин багаж: саквояж, складной мольберт и ящик с красками и кистями, Анатолий повез Татьяну к выходу с летного поля. У ворот толпились встречающие и бодрые таксисты, предлагавшие подбросить куда душе угодно. Но таксисты остались несолоно хлебавши. Анатолия окликнул молодой, но уже седой мужчина в камуфляже, пожал ему руку, кивнул Татьяне и сказал, что машина ждет на стоянке.

— Знакомься, Таня! Мой друг Борис, — представил его Анатолий. — Служит в МЧС и всегда выручает с машиной. Она у него даже по воде аки посуху летает.

— В Барсучью падь? — не спросил, а уточнил Борис. — Девушка выдержит дорогу?

— Выдержит! — Татьяне не понравился тон местного спасателя. — Хуже бывало!

— Простите, — смутился Борис. — Не хотел вас обидеть. Все же пять часов перелета, ночь без сна...

— Таня, я вправду дурак. Не подумал...

С озадаченным видом Анатолий почесал в затылке.

— Давай ко мне сначала. Примешь душ, отдохнешь. Мама жаждет с тобой познакомиться.

И улыбнулся смущенно.

— Мне просто хотелось похвастаться. Все подтвердилось! Мы нашли-таки Абасугский острог! Пока снимаем дерн, делаем зачистку раскопа, но валы кое-где подмыты водой. Уже есть первые находки. Пока незначительные, но скоро, надеюсь, пойдут артефакты покрупнее и поинтереснее.

— Поедем скорее, — улыбнулась Татьяна. — Мне не терпится увидеть все своими глазами.

— В принципе, — снова запустил руку в волосы Анатолий, — в лагере мы баньку соорудили. А на жительство тебя определили в настоящую юрту к бабушке Таис.

— А вот и я!

Люся толкала перед собой тележку с вещами Татьяны.

— Все в целости и сохранности.

— Тогда по коням? — спросил Борис и, подхватив багаж, направился к машине — выдавшему виды внедорожнику.

— По коням! — Анатолий вновь подхватил Татьяну на руки, хотя, видит бог, до машины вполне можно было добраться на коляске. Татьяна не успела даже запротестовать. Впрочем, ей было уютно в этих крепких руках. Анатолий донес ее до машины, проделав это легко и с явным удовольствием.

Женщина всегда чувствует расположение мужчины, особенно если оно переросло в симпатию. Судя по всему — взаимную. Теплое дыхание касалось ее лица. Даже сквозь куртку она ощущала биение его сердца. Левой рукой он поддерживал ее под колени, правой прижимал к себе. А когда посадил на заднее сиденье, то склонился так близко, что она разглядела крошечную родинку на виске. Очень опасно склонился. Почти поцеловал. И глаза сверкнули опасно, отчего забилося сердце. Быстро-быстро, словно птица в силках.

Татьяна мигом одернула себя. Могло ведь и показаться. Она тревожно смотрела в черные, точно спелая смородина, глаза и не могла понять, что ей сулит ответный взгляд. Острый, пронзительный, горячий... От которого пробирает дрожь, от которого нет спасения, разве что спрятать голову в песок? Но и так, наверно, не спастись...

Со стороны ситуация, разумеется, выглядела комично. Анатолий, согнувшись, наполовину в машине, но все еще держит в объятиях гостью. Она, обхватив его за шею, забыла, что нужно убрать руку. Его пальцы коснулись ее щеки. Едва заметно коснулись. Но оба вздрогнули. А лица их были так близко друг от друга, что впору кричать «Горько!».

Но Борис, видно, не понял, потому что прокричал другое:

— Толик, чего там возишься? Поехали! Охота по жаре добираться?

Анатолий живо выпрямился, обежал машину, и устроился на заднем сиденье около Татьяны. Люся расположилась рядом с водителем. Шлем она сняла. Под ним прятался мальчишеский упрямый ежик.

Она провела ладонью по голове. Заметив взгляд Татьяны, засмеялась:

— Смешно? Зато не жарко! Мы ведь весь световой день в поле. Спешим! А то вдруг дожди зарядят, зальет раскопы водой.

— Тьфу на тебя! — махнул рукой Анатолий. — Язык у тебя, Людмила, как помело. Наговоришь тут: дожди... зальет...

— Обижаете, командир! — надулась девушка. — Я ведь о деле болею!

— Ты, Люсь, на грубость нарываешься. Еще раз о дожде вспомнишь, уши оторву!

Анатолий показал ей внушительный кулак. Люся смерила его негодующим взглядом, фыркнула и отвернулась.

Татьяна про себя подивилась подобной манере общения руководителя и ассистента. Но Анатолий поспешил разъяснить ситуацию.

— Люська — моя племянница. Дочь старшей сестры. Кандидатскую пишет, а по жизни пацан пацаном.

— А ты — не руководитель, а узурпатор, — парировала Люся и бросила через плечо: — Это он перед гостями — пушистый зайчик. А с аспирантами — серый волчище. Вкалываем, как рабы на плантациях. Как только солнышко взошло — подъем. Быстрый завтрак, кайла в руки — и пошел! И так каждый день: от рассвета до заката!

— Орешек знаний тверд, но мы не привыкли отступать, — ухмыльнулся Анатолий. — Нам расколоть его помогут кайла и аспирантов рать! — И похлопал племянницу по плечу. — Ты знала, какую профессию выбирала. Чего жалуешься? Таня ведь не ревизор из Академии наук.

— На тебя бесполезно жаловаться! — снова фыркнула Люся.

Борис покосился на нее.

— Что-то не похоже на тебя, Людмила? Чего с утра ополчилась на Толика?

— Раиса вчера звонила, — буркнула Людмила. — Мозги снесла...

— Что опять?

Татьяна почувствовала, как напрягся Анатолий.

— Говорит, до пяти лет ей грозит. Просит, чтоб забрали заявление.

— Как она это себе представляет? — лицо Анатолия вмиг изменилось. — Разве она у меня украла?

Радостное оживление словно стерли ластиком. Он нахмурился.

— Нужно было думать, когда лезла в музейные запасники, как в свой карман. Теперь пусть отвечает по закону.

— Она говорит, что это повод отнять у нее сына, — тихо сказала Люся.

— Глупости! — Анатолий покраснел от негодования. — Она не думала о сыне, когда пошла на преступление. Если ее осудят, естественно, я заберу сына к себе.

— Она не воровала, — Люся резко повернулась. — Раиса говорит, что не хватало денег на путевку Кирыше, и она просто на время сдала часы в ломбард. Потом бы выкупила с отпускных.

— Раиса получала солидные алименты, так что ее разговоры — сплошное вранье! Я мог бы заплатить за путевку. Но она ко мне не обратилась. И, как выяснилось, не в первый раз использовала хранилище как личный чулан. — Анатолий с виноватым видом по-

смотрел на Татьяну. — Вот так, сразу, с места в карьер... В самую помойку наших проблем!

— Раиса, конечно, женщина непростая. Характер — врагу не пожелаешь, — подал голос Борис, — но жизнь ее наказала.

— Жизнь ее еще не наказала, — устало сказал Анатолий. — Пока она под следствием и под подпиской о невыезде.

Татьяне очень хотелось узнать, кто такая Раиса? Если у нее сын от Анатолия, то наверняка его бывшая жена? Бывшая, потому что Анатолий платит алименты. Но в разводе ли он с женой?

Честно сказать, за год знакомства они ни разу не заводили разговор о своем семейном положении. Ее отношения с Виктором пришли к закономерному концу еще в больничной палате. Анатолий не носил обручального кольца. Но спросить, женат ли он, Татьяна не решалась. Жизнь научила ее не верить в радужные перспективы. Не строить далеко идущие планы. Не мечтать и не обольщать себя надеждами. Она — жалкий инвалид, жертва собственной беспечности. Анатолий, верно, навещал ее из жалости. Зачем ему обуза? Женщина, которая едва-едва передвигается с помощью костылей и не в состоянии самостоятельно спуститься с крыльца.

С другой стороны, с какой стати он возится с ней? Пытается смягчить чувство вины? Но он ни в чем не виноват. Ни в том, что она стала калекой, ни в том, что ее жизнь пошла под откос. Обычный свидетель дорожно-транспортного происшествия. Правда, равнодушный свидетель: успел вытащить ее из машины до того, как та загорелась, оказал первую помощь, дождался приезда «Скорой» и машин ГИБДД.

Честь и хвала ему за это. Но так многие поступают, а затем — исполнил свой гражданский долг и — прощай! Но Анатолий весь год писал ей письма. Потом пригласил в Хакасию. Зачем он ее опекает? Носит на руках? Теперь вот везет на раскопки. У него что, своих проблем не хватает? Судя по всему, их выше крыши...

Татьяна совсем запуталась в догадках и решила отложить их на другое время, когда получится отдохнуть.

Ее спутники молчали. Правда, Борис и Люся иногда перебрасывались парой-другой слов типа: «Тебе, не дуэт?», «Спасибо, нормально!».

За окнами мелькали рыжие пологие сопки, поросшие редкими березняками и сосновыми борами. Сопки походили на застывшие в беге волны. Над ними висели белые облака, похожие на сахарную вату. Ярко сияло солнце. А само небо было бледно-голубым, точь-в-точь как незабудки, что росли у обочины.

Татьяна приспустила стекло, вдохнула горьковатые запахи. Сопки ближе подступили к шоссе, и она увидела, что они затянуты сплошным ковром мелких розовых соцветий.

«Ирбен, — внезапно пришло в голову. — Ирбен цветет...»

— Что? Что ты сказала? — Анатолий словно очнулся от своих мыслей.

Оказывается, она, того не сознавая, произнесла «ирбен» вслух.

Татьяна смутилась.

— Ирбен цветет. Так эта трава называется?

Анатолий внимательно посмотрел на нее.

— Да, хакасы называют ее ирбен, русские — чабрец или богородская трава.

Он взял ее за руку, заставив развернуться лицом к нему.

— Таня, ты очень точно указала место на карте, где был построен острог. Мы искали его гораздо севернее. Теперь, оказывается, ты знаешь, что такое «ирбен». Расскажи мне, откуда тебе известно про острог? Слушай, это невероятно! Такого просто не бывает!

— Я ведь ни на чем не настаивала. Но ты поверил мне... — тихо сказала Татьяна. — Мне стало вас жалко. Третий год бьетесь, и никаких результатов.

— Но как ты узнала, что мы бьемся третий год? Я ведь не рассказывал.

— В Интернете прочитала, — неохотно ответила Татьяна. — Мне было интересно узнать о тебе чуть больше. Наткнулась на некоторые статьи, интервью... Кое-что сопоставила и написала тебе. Я не думала, что ты сразу отправишься на разведку.

— Я не отправился. Я полетел в Барсучью падь сломя голову, — улыбнулся Анатолий. — Едва дождался конца марта, когда снег мало-мальски сойдет. Я просто сгорал от нетерпения. И очень боялся, что падь окажется в зоне затопления Красноярского водохранилища. К счастью, ты все указала верно. Раскопки можно было начинать в мае, но Росохранкультуры почти месяц тянул с выдачей Открытого листа. А без него раскопки проводить нельзя. Пришлось доказывать, спорить, ругаться. Чиновников ведь сроки не поджимают.

Анатолий вздохнул, помолчал мгновение. И продолжал:

— Время, конечно же, острог не пощадило. Все вокруг заросло редколесьем. Мороки с ним — не приведи господь! Но не будь кустов, все бы снесло весен-

ней водой в реку. Один камень остался бы. До культурного слоя там недалеко — с метр копать. Похоже, острог горел, а может, и сожгли его. Тогда это было в порядке вещей. А тот, который поставили позже, сейчас недоступен. Это место застроили многоэтажными домами еще в семидесятых. Раскопки велись, но наспех, ведь возводили город для строителей ГЭС. — Он с досадой махнул рукой. — Сама понимаешь, не до истории было. Острог — это комплексный памятник. К сожалению, большинство сибирских острогов до сих пор не раскопаны полностью. Или сильно разрушены, или застроены современными городами, а то затоплены водами водохранилищ. Абасугский острог — один из немногих памятников русской фортификации в Сибири, что находится вне зоны доступа человека. Тем и бесценна наша находка. В истории русского освоения Северного Присаянья столько еще белых пятен!

— Толик, — подал голос Борис, — не засоряй девушке мозги. — И взглянул в зеркало заднего вида на Татьяну. — Его ж только зацепи! Дни и ночи о своем остроге бубнит, бубнит...

Анатолий виновато улыбнулся.

— Прости, Таня, но без твоей подсказки мы бы еще не один год бродили вокруг да около того распадка, что указан на картах восемнадцатого века. Места там дикие. Разве рыбаки иногда забредают. До сих пор не пойму, чья тут ошибка: то ли строителей острога, которые мало смыслили в картах, то ли это было сделано намеренно, чтобы сбить кого-то с толку. Но кого хотели провести? Однозначно, не кыргызов. Те без всяких карт знали, что творилось вокруг. И поджог острога наверняка их рук дело. По «скасам» Си-

бирского приказа известно, что острог построили в 1702 году чуть ли не в двадцати верстах севернее. Выходит, в первую очередь ввели в заблуждение Сибирский приказ. Но с какой целью? Зачем? Кто кого хотел запутать?

— Два десятка верст туда, два десятка — сюда, — усмехнулся Борис. — По сибирским меркам — сущая пустяковина!

— Пустяковина? — поразился Анатолий. — Мы столько денег и сил вбухали в разведку. А, оказывается, искали дырку от бублика!

— Выходит, это тебя водили за нос, — снова засмеялся Борис. — Думали, вот нагрянут лет этак через триста археологи, губу раскатают! Ан нет, кукиш вам! Представляю, как хихикал какой-нибудь дьяк, радостно ладошки потирал, когда эту карту рисовал. Словом, получил ты, Толик, плевков из прошлого.

— Глупости, — насутился Анатолий, — никто не хихикал и ручонки не потирал. Это — ошибка, но чья и зачем, этого уже не узнать. В «скасках» Сибирского приказа о первом остроге — три-четыре строчки. Год основания, размеры, количество башен и имя приказчика — Мирона Бекешева. Как оказалось, вашего предка, Таня.

— А вдруг это совсем не тот острог? — подала голос Людмила. — Я имею в виду, что не тот — первый на Абасуге, а какой-то другой, неизвестный.

— Ничего умнее не могла придумать? — рассердился Анатолий и даже покраснел от негодования. — Ты — историк! Археолог! Неужто думаешь, что остроги росли в Сибири как грибы и никто этот процесс не контролировал? Я допускаю, что не все зимовья были учтены, но и в том сильно сомневаюсь. Учет в

Сибирском приказе был поставлен на должном уровне. Новость о любом укрепленном русском поселении мигом расходилась по всей округе. Кроме того, упустила тот факт, что эти края просто нашпигованы были всякого рода лазутчиками: и русскими, и джунгарскими, и монгольскими, и даже маньчжурскими. Богдыхан всегда держал руку на пульсе. Очень ему не нравилось, что русские продвигались все дальше и дальше на юг Сибири.

— Обижает, дядюшка, — огрызнулась Людмила. — Все я знаю и понимаю. Но, может, и не острог это вовсе, а раскольничий скит. Староверы тоже нехило укрепляли свои деревни.

— Люся! — Анатолий даже пристукнул кулаком по спинке ее сиденья. — Укрепляли! Но не валами же и не рвами! Ты считаешь меня профаном?

— Не считаю я тебя профаном, — отмахнулась Люся. — Но ведь эта информация...

Тут Татьяна поймала ее взгляд в зеркале заднего вида, и он ей крайне не понравился.

— ...эта информация ничем не подкреплена. Настоящий ученый трижды все перепроверит, а ты ринулся очертя голову...

— Людмила, — с угрозой произнес Анатолий, — и ты туда же?

— Постой! — Люся обернулась. Лицо ее пылало от негодования. — Ты можешь меня разок выслушать? Своим безрассудством ты поставил под угрозу наш проект. Если этот острог, — в каждом ее слове сквозило презрение, — окажется очередным мыльным пузырем, я тебе не позавидую. Советую запастись бронжилетом и... — она нахлобучила шлем на голову, — строительной каской. Мадам Коломийцева церемо-